

Кустарные промыслы пореформенной нечернозёмной деревни (на материалах Московского региона)

Владимир Егоров, Ольга Зозуля

Kustar' industry in Russia's non-black earth countryside after the Emancipation (Moscow region case)

*Vladimir Egorov (Moscow State Regional University, Russia),
Olga Zozulya (Moscow State University of Mechanical Engineering, Russia)*

В качестве объекта данной статьи выбраны кустарные промыслы Московского региона, имевшего в силу естественных и исторических факторов уникальный социально-экономический облик и особый характер происходивших в хозяйственном строе процессов. Хронологически описываемый в статье сюжет ограничен первыми пореформенными десятилетиями (до начала 1890-х гг.), поскольку освобождение крестьян дало толчок либерализации сельской экономики. В последующие за реформой три десятилетия отчётливо наметились новые черты мелкой крестьянской промышленности, но ещё не проявилось влияние политики государства и земств, активизировавшееся в последней четверти XIX столетия и существенно отразившееся на развитии рассматриваемого сегмента аграрной экономики.

Изменения, начавшиеся в кустарной отрасли крестьянских хозяйств, были предметом внимания уже земских статистиков. Большинство из них отмечало недифференцированность промышленных и земледельческих занятий сельского населения региона. Кустарные «гнезда» с преобладающими промышленными занятиями в тот период являлись скорее редкостью, нежели закономерностью. И даже в таких малопродуктивных промышленных губерниях, как Московская, где было бы естественнее искать места концентрации крестьянской промышленности, С.А. Харизоменов и В.С. Пругавин не обнаруживали широкого распространения специальных поселений¹. Центральное место в земской историографии, как и в общественном сознании второй половины XIX в., занимала проблема освоения кустарной промышленности капиталом. Так, А.С. Орлов обращал внимание на то, что форму капиталистической работы на дому «к 1900 г. приняли многие промыслы, за 20 лет перед тем бывшие кустарными: домашняя же промышленность 1880 г. во многих отраслях сделалась через 20 лет фабрично-заводской»². В дореволюционной историографии стал актив-

© 2015 г. В.Г. Егоров, О.А. Зозуля

¹ *Пругавин В.* Промыслы Владимирской губернии. Александровский уезд. М., 1882; *он же.* Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии. М., 1884; *Харизоменов С.* Промыслы Владимирской губернии. Александровский уезд. М., 1882.

² *Орлов А.С.* Кустарная промышленность Московской губернии и содействие кустарям со стороны земства, разных учреждений и частных лиц. М., 1913. С. 10.

но разрабатываться и сюжет, связанный с общественным движением в поддержку кооперации кустарей и ремесленников³.

После революции интерес к проблеме модернизации кустарно-ремесленной промышленности на основе товарных отношений резко упал, что в известной степени объяснялось позицией большевиков, относивших её к числу рудиментов прошлого, подлежащих искоренению. Один из видных представителей большевистской элиты М.П. Томский прямо заявлял на VIII съезде РКП(б): «Для нас ясно, что кустарное производство есть пережиток старины, пережиток вредный»⁴.

В трудах советских историков кустарная промышленность рассматривалась только в качестве одного из сюжетов аграрной проблематики. Немногие работы на эту тему были связаны с постановкой проблемы преодоления многоукладности экономики в условиях транзита к социализму. В контексте решения данной задачи в монографии П.Г. Рындзюнского ставились конкретные цели: восполнить пробел в изучении степени капитализации крестьянских промыслов в пореформенной России⁵. Историко-географическая работа К.Н. Тарновского стала показателем формирования новых подходов в изучении рассматриваемой проблематики. Опираясь на значительный архивный материал, он районировал территории плотного расселения кустарей, в том числе в Московском регионе, которые характеризовались спецификой проявления общественного разделения труда, капитализации, кооперирования, результативности мер правительственного содействия⁶.

Данная статья написана на основе комплекса источников земского происхождения – статистики, инструкторских описаний и т.д. Отдельные уточнения исторической картины качественной трансформации кустарных промыслов региона пореформенного периода удалось сделать благодаря привлечению материалов Центрального государственного архива города Москвы, впервые введённых в научный оборот.

Промышленные занятия крестьян Московской губ. были обусловлены целым рядом социальных, политических и естественно-географических факторов, а не только неплодородием почвы. Корни кустарничества стоит искать в традиции средневековых промыслов Волжско-Окского междуречья, обслуживавшего важные направления товарного транзита. В отличие от других регионов Центрального Нечерноземья уже к середине XIX в. промысловая деятельность, наряду с сельским хозяйством, составляла значительную часть бюджета крестьянских семей Московской губ. и охватывала практически всё трудоспособное население деревни. В среднем на один крестьянский двор приходилось 1.68 работников, из них 1.53 занимались промыслами, таким образом, кустарей среди трудоспособного населения было 87.5%⁷. Между тем в соседней достаточно развитой в промышленном отношении Владимирской губ. они составляли 13% общего и 14.5% крестьянского населения⁸. К середине XIX в. в мос-

³ *Петров Г.П.* Промысловая кооперация и кустарь. Т. 1–2. М., 1917.

⁴ Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года. Протоколы. М., 1958. С. 82.

⁵ *Рындзюнский П.Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России (60–80 годы XIX в.) М., 1966. С. 8.

⁶ *Тарновский К.Н.* Мелкая промышленность России в конце XIX – начале XX вв. М., 1995.

⁷ Материалы для статистики России, собранные по ведомству Министерства государственных имуществ. СПб., 1858. С. 32.

⁸ Памятная книжка Владимирской губернии на 1848 год. Владимир, 1848. С. 89 (расчёты выполнены авторами).

ковской деревне сформировалась малочисленная, но полностью отказавшаяся от сельскохозяйственных занятий категория населения. В неё входили кустари, обладавшие особыми мастерскими навыками, получавшие за свой труд достойное вознаграждение, или крестьяне, «отлучающиеся для промыслов в весьма далёкие места»⁹.

Фактором, активно вторгавшимся в уклад промышленной отрасли крестьянских хозяйств, стало крупное фабричное производство, генезис которого в столичном регионе начался значительно раньше, чем в других нечернозёмных губерниях. В Богородском уезде Подмосковья фабрики привлекали в 23 раза больше работников, чем кустарная промышленность, в Серпуховском, Можайском, Волоколамском, Дмитровском, – в 2 раза, в Рузском – в 3 раза¹⁰. По словам самих сельских промышленников, например, «обучение ткачеству, особенно простых материй, которые по массе составляют главную часть здешних фабрикаций, особенно сельской, гораздо проще, нежели обучение ремёслам»¹¹. Машинное производство, не требуя особого мастерства, привлекало в свои ряды значительную часть населения. Молодежь из семей кустарей, зная, насколько тяжёл их труд, предпочитала работу на фабрике. В результате развития машинного производства в Подмоскovie многие кустари отказывались от самостоятельной промысловой деятельности и переходили в разряд домашних фабричных рабочих или постоянных работников в крупных промышленных заведениях¹².

Специфические черты развития кустарного производства во многом определял столичный характер региона. Во-первых, работа в Москве отличалась значительными заработками, что иллюстрируют данные, приведённые в таблице 1.

Во-вторых, Москва и её окрестности превратились в национальный центр крестьянской промышленности ещё и в силу привлекательности для кустарей других районов страны. Сюда шли искать «богатого заработка» мастера даже тех территорий, где собственный потенциал потребительского рынка был далеко не исчерпан. Например, земский статистик из Твери, говоря о направлениях отхода кустарей из губернии, констатировал: «Всякому, кто сколько-нибудь знаком с условиями, в которых находится ремесленное производство в Москве и Петербурге, известно, что два раза в течение года из разных концов России притекает туда множество обывателей, бросающих соху и косу для портняжного, сапожного и всякого другого ремесла»¹³. В-третьих, ёмкость столичного рынка способствовала формированию в кустарной промышленности Подмосковья большого сегмента, ориентированного на производства для горожан, что также ускоряло переход кустарей к изготовлению нетрадиционных товаров и изменение организационных форм промысла.

Условия, порождавшие «кустарное перенаселение» региона, уже в предреформенные годы определили основные направления трансформации мелкой сельской промышленности в последующие несколько десятилетий и стали причиной выталкивания за пределы Подмосковья многих квалифицирован-

⁹ ЦГА Москвы, ф. 184, оп. 4, д. 151, л. 105.

¹⁰ Материалы для статистики России... С. 40.

¹¹ ЦГА Москвы, ф. 184, оп. 3, д. 117, л. 21.

¹² Там же, ф. 188, оп. 2, д. 16, л. 18.

¹³ Сборник статистических сведений о Тверской губернии. Т. IV. Старицкий уезд. Тверь, 1890. С. 138.

**Годовые доходы крестьян Московской губернии
по видам промысловой деятельности в середине XIX в.**

Категория промысловиков	Вид деятельности	Средний доход, руб.	Максимальный доход, руб.
Работники фабрик	–	30–50	80
	Мастер, приказчик	40	70
	Ткачи сукон	75	
	Ткачи шёлковых материй	70	–
	Ткачи х/б материи	50	–
Надомники, работающие на фабрику	Ткачи шёлковых материй	65	–
	Ткачи х/б ткани	35	50
Кустари	–	60	100
Ремесленники в городах	–	70	100
Ремесленники в сельской местности	–	50	85
Работники в городах	–	60	100
Управленцы (управляющие, приказчики, старосты и т.д.)	–	60	115
Мелкие капиталисты	–	80	125

Составлено по: ЦГА Москвы, ф. 188, оп. 4, д. 301, л. 4.

ных кустарных промышленников, что развивало в крестьянах «понятия, деятельность и предприимчивость», как отмечали военные статистики Генштаба. «Жители Московской губернии, – писали они, – знают не один свой край, но чуть не всю Россию. Многие сами прошли её вдоль и поперёк, другие наслушались о ней от людей бывалых. Здешним жителям известны не только дела, касающиеся собственно их быта, но и движение торговой и мануфактурной промышленности. Они знают, что требуется в том или ином крае России. Такие люди, при местной невзгоде, не затруднятся идти даже за море, чтобы найти себе хлеб и деньги»¹⁴.

Наметившиеся в предшествующие периоды процессы эволюционной protoиндустриализации кустарных занятий крестьян со второй половины XIX в. испытывали революционизирующее влияние общенациональной модернизации, направляемой «сверху». Изменение уклада жизни привело к кардинальной смене потребительского спроса не только городского, но и сельского населения. Так, крестьяне Московской губ. в те времена в большинстве отказались от лаптей, носили картузы, сапоги и т.д.; из обихода ушли и другие предметы традиционного быта. Вот что по этому поводу писали земские исследователи середины XIX в.: «Что потребности крестьян Московской губернии действительно возросли сравнительно с тем, каковы они были прежде, на это указывает почти пов-

¹⁴ Военно-историческое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. III. Московская губерния. СПб., 1853. С. 172.

семестное введение чаепития, некоторое улучшение в устройстве жилищ, выражающееся в замене курных изб белыми с большим количеством окон; но в чём особенно выразилась разница между настоящим и прошлым, это в изменении одежды и обуви. Достаточно указать на то, что расход на кожаную обувь в настоящее время для крестьян считается необходимым, что деревенское франтовство требует теперь от молодых парней сапогов с галошами, стоящих 16–18 р.»¹⁵.

Расширение потребительского спроса, инициируемое урбанизацией, увеличило набор видов мелкого производства, которые кустари успешно осваивали. Например, традиционный медный промысел дал основание изготовлению оправ для очков; гранильный, «изстари» занимавший крестьян, вырос в предприятия по выпуску оптических линз; женщины, занятые ранее кустарным льноткачеством, перешли на выпуск папиросных гильз и т.д.¹⁶ Диверсификация кустарного производства, а также пополнение рядов рабочего класса выходцами из кустарной среды приобрели широкий размах.

Капитализация хозяйства привела и к капитализации сырьевой базы экономики, что отразилось на состоянии и перспективах развития отраслей мелкой промышленности, функционировавших на «даровом» природном сырье (глине и лесе). «В нашей местности, – сообщал корреспондент П.И. Миткевич-Далецкий из Подольского уезда Краснопахорской волости, – живут кустари: щётчники, крючечники, тележники, работающие приборы для сбруи. Для щётчников существуют ещё кустари, приготовляющие дощечки для щёток и фанеры для оклейки щёток. Лица, и их довольно много, занимающиеся распиловкой дерева на дощечки, приобретали самое дерево берёзу незаконным путём (порубкою в чужих лесах); но так как такое приобретение неверно, то и самое занятие у них было урывками»¹⁷.

Внедрение в повседневную жизнь новых средств транспорта также отразилось на промышленных занятиях сельского населения. В пореформенные десятилетия пришли в упадок целые отрасли кустарного производства, занимавшиеся ремонтом саней, экипажей, карет и, как ни парадоксально, изготовлением веревок и канатов, в основном служивших для упаковки дров, доставляемых гужевым транспортом в Москву. Корреспондент Звенигородского уезда священник П.И. Розанов писал: «Местные крестьяне издавна занимаются кручением веревок и витьём канатов. С проведением железных дорог и уменьшением сплава дров и леса по Москва-реке этот промысел упал»¹⁸.

Однако взаимоотношения крупного и мелкого кустарного производства не следует описывать в терминах замещения и вытеснения последнего. Крупный капитал использовал огромный резерв извлечения прибыли из организации «домашнего производства» кустарей. Благодаря выгоды ручного труда кустарей в технологических операциях, не требующих особой квалификации, но затратных по времени, на селе возникали целые отрасли мелкой промышленности, работавшие в тандеме с фабриками. Появились, в частности, отрасли, утилизовавшие отходы крупного производства, где работали зольщики, терпужники, бусники и т.д.¹⁹

¹⁵ Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. III. Ч. I. М., 1882. С. 193.

¹⁶ Статистический ежегодник Московского губернского земства. 1888 г. (Приложение к докладу управы). М., 1889. С. 13.

¹⁷ ЦГА Москвы, ф. 192, оп. 1, д. 32, л. 2–2 об.

¹⁸ Там же, ф. 184, оп. 14, д. 71, л. 31.

¹⁹ Статистический ежегодник Московского губернского земства... С. 15.

Земские исследователи второй половины XIX в. хорошо понимали неплотворность единого подхода к описанию кустарной промышленности в целом. Вот что писал один из них, В.И. Орлов: «На пространстве Московской губернии развито громадное число крестьянских промыслов, различных между собой и по техническим приёмам, и по организации, и по экономическим условиям их существования)»²⁰. Фактический материал представляет богатую палитру оттенков и красок общей картины трансформации кустарных промыслов сельского населения Подмосковья: по направлениям эволюции (развитие, упадок), по результатам происходивших изменений (концентрация, вытеснение, формирование функционального пространства мелкого производства), по степени освоения нового качества и специализации и т.д.

Не представляется возможным определение вектора трансформации и в рамках схемы «мелкое – крупное производство», к которой нередко прибегали и прибегают сегодня многие исследователи кустарной промышленности²¹. В структуре производства, функционировавшего в дофабричной форме и основанного на ручном труде, прослеживаются по крайней мере три функциональных сегмента: деградирующие мелкие предприятия, производство, сохранявшее собственное функциональное пространство и, наконец, такое, которое имело потенциал эволюции в крупную мануфактуру и фабричную промышленность.

Имущественную и социальную дифференциацию кустарей в полемике с народниками скрупулёзно описали ещё Г.В. Плеханов и В.И. Ленин²². В конкретно-историческом контексте этот сюжет хорошо разработан в работах П.Г. Рындзюнского²³. В отечественной историографии немало работ о разрушающем влиянии индустриализации на кустарные промыслы. Совсем иначе обстоят дела с анализом их эволюционного смещения в экономическую «нишу», присущую именно мелкому производству.

Прежде всего речь идёт об уникальных производствах с наивысшей (более 50%) долей оплаты труда мастера в стоимости конечного продукта. Сфера приложения высококвалифицированного труда рукодельника-кустаря имела место во всех отраслях кустарной промышленности. В металлообработке это изготовление кованных кроватей, замков, скобяного товара, металлической посуды, ламп и т.д.; в обработке дерева – изготовление рам для зеркал, сундуков, паркета, экипажей, посуды, баляс, чубуков, мундштуков, мелких предметов и т.д.; в целом гранильный промысел, щёточный, чулочный, кружевной и проч. В отдельную группу можно выделить промыслы, напротив, не требовавшие особых умений, но обеспечивавшие кустарю больше половины стоимости конечного продукта: гончарное дело (крестьянская посуда), изготовление простого сельскохозяйственного инвентаря – сох, борон, граблей, мётел и веников, и т.д. Дело в том, что затраты на сырьё в этих промыслах были минимальными или вовсе отсутствовали.

²⁰ Сборник статистических сведений по Московской губернии... Т. VII. Вып. III. Ч. II. М., 1883. С. 1.

²¹ См., например: *Рыбников А.А.* Мелкая промышленность России. Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1923.

²² *Плеханов Г.В.* Наши разногласия // *Плеханов Г.В.* Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 32; *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // ПСС. Т. I. С. 209–312, и др.

²³ *Рындзюнский П.Г.* Крестьянская промышленность...; *он же.* Утверждение капитализма в России. 1850–1880 гг. М., 1978.

Следует обратить внимание ещё на одну деталь: мелкие производства, как правило, утрачивали тенденцию к концентрации. Так, численность мастеров с высокой оплатой труда на 8 предприятиях колебались от 1 до 2, на 6 – от 2 до 3, на 4 – от 3 до 4, и только на одном чуть превышала 5 человек. Исследования Московской губернской земской управы, осуществлённые под руководством А.А. Исаева в 1870-е гг., дают возможность детального анализа кустарных промыслов этой группы. Одним из них являлся мебельный, охватывающий в середине 1850-х гг. 87 селений. Корпусную мебель изготавливали в основном вокруг села Лигачево Черкизовской волости Московского уезда (32 селения). От деревни Брехово, лежащей на границе Московского и Звенигородского уездов, на запад к Воскресенску тянулись 24 селения, где делали белые стулья. За Воскресенском располагались 9 селений – там производили ломберные и гостиные столы, а в одном, вблизи Звенигорода, – исключительно трюмо. 10 селений, не имевших определённой специализации, были разбросаны по всему району²⁴.

История столярного производства уходит корнями в глубокую древность – первые упоминания о нём встречались в источниках XVI в. Начинаясь как производство «простейших и наиболее употребительных предметов» – деревянной посуды, «грубые виды которой не что иное, как выдолбленные брусочки дерева», кадок, корыт и т.д., причём значительная часть продукции кустарей-«древделов» употреблялась или в пределах своей общины, или в соседних²⁵.

Важную роль в становлении мебельного промысла на основе традиционной деревообработки сыграл московский пожар 1812 г. Цены на мебель тогда удвоились и даже утроились, что побудило крестьян-столяров взяться за её изготовление. Один из них, Пётр Семёнович Зенин, ещё до войны прошедший обучение по повелению своего помещика, начал производство мелких предметов. Около 1823 г. он открыл самостоятельное дело в селе Лигачево, затем, по мере взросления, в мастерскую пришли четверо его младших братьев. Так была создана «семейная ассоциация братьев Зениных». Начав с незатейливых берёзовых стульев, они после заключения договора с торговцем из Москвы Болотовым стали производить корпусную мебель. Купец снабжал мастерскую красным деревом и «моделками». В дальнейшем же мастера полностью отказались от традиционного «дарового» материала – берёзы – и перешли на использование покупной древесины – фанеры и красного дерева. По мере приобретения известности Зенины стали выпускать сложные виды продукции – гнутую мебель. К 1850-м гг. в мастерской было подготовлено более 70 учеников, а после проведённого братьями раздела промысел стал быстро распространяться в округе.

Данный пример показывает, как на основе традиционного производства возникла новая развивающаяся отрасль кустарной промышленности, функционирующая на основе высокой квалификации работников. Распространение мебельного промысла способствовало их специализации по выпуску определённого вида продукции и появлению собственных мастеров, непревзойдённых в производстве конкретного товара. Например, в селе Козино работал искуснейший «кривьевщик» Уточкин²⁶.

Среди других отраслей кустарного производства, имевших тенденцию к концентрации, особый интерес представляет кожевенная. Одна её часть стала

²⁴ Промыслы Московской губернии. Т. I. М., 1876. С. 16–17.

²⁵ Там же. Т. I. С. 18.

²⁶ Там же. Т. I. С. 8–14.

исходным «материалом» процесса рождения крупной промышленности, другая – результатом логического завершения этого процесса.

Традиционный кожевенный промысел крестьян Московской губ. получил особый импульс «в войну 1812 года, Венгерскую кампанию, Крымскую войну, во времена Польского восстания и войны с Турцией»²⁷. Центром его было село Ивашково на границе Московской и Тверской губерний. На протяжении пореформенных десятилетий в этом производстве активизировался процесс имущественной дифференциации: среди массы кожевников «ивашей» земские корреспонденты выделяли крупных, средних и мелких²⁸.

По оценке земцев, структурная дифференциация выглядела следующим образом: «Крупными торговцами называются люди, обладающие капиталом от 1 000 до 50 000 рублей. На капитал в 50 000 рублей насчитывается в районе четыре торговца, в Ивашково один, в Манасеино один, в Корневском один и в Маркове один. На капитал от 10 до 15 тысяч имеются два прасола, в Ивашково и в Корневском. На капитал от 1 000 до 5 000 рублей ведут свои дела 5 ивашей, в Ивашково 3, в Дулепово один и в Корневском... Средние прасолы ездят по деревням, закупаая всякие шкуры, и отъезжают от дома на дальнейшее расстояние в губернии: Смоленскую, в Гжатск, в Вязьму, Сычевку, в Псковскую – в Порхов, Торопец, в Калужскую – в Медынь, Мещёвск, Мосальск, во все уезды Тверской губернии и во все уезды Московской губернии. Эти прасолы обладают капиталом от 100 до 500 рублей... Остальные иваши представляют из себя мелких торговцев, девиз которых – пользоваться случаем, они собирают кошек, собак, щетину, рога, копыта, тряпки, кости, одним словом, всё, что только попадётся под руку и окажется по карману»²⁹.

Соответственно имущественной дифференциации промысел структурировался по специализации на производство мелких и крупных кож. Наиболее «капиталистские» промышленники сосредоточились на переработке крупных, наиболее востребованных. Это были, как правило, капиталистические предприниматели, в то время как их односельчане, выделявавшие мелкое сырьё, являлись типичными мелкими товаропроизводителями. Группа производителей крупных кож отнюдь не была однородной, и именно в ней генерировалась достаточно значительная прослойка представителей крупного, рождённого на собственной основе промышленного производства (см. табл. 2).

В данную группу входили «цеха» (около 40% составлявших её предприятий), где трудились в среднем по 13 наёмных рабочих, и небольшие мастерские (34,3%), которые объединяли не более 2 семейных работников, как правило, выполнявших подсобные операции (например, очистку кож от шерсти, мездры, сбор щетины и отходов).

В группе производителей мелких кож преобладали предприятия с числом рабочих от 2 до 6. В половине заведений этой группы использовался наёмный труд, но число привлекаемых со стороны не превышало 2 человек³⁰. Кустари этих групп отличались по уровню культуры и по бытовым условиям. Мастера по выделке крупных кож нередко имели каменные дома, были поголовно грамотными и даже являлись постоянными читателями различных газет и журна-

²⁷ Промыслы Московской губернии. Т. VII. Вып. 1. М., 1882. С. 101.

²⁸ Там же. С. 114–115.

²⁹ Сборник статистических сведений по Московской губернии... Т. VII. Вып. I. М., 1882. С. 117.

³⁰ Там же. С. 135.

Таблица 2

**Характеристика предприятий производителей
крупных кож**

Численность рабочих	Доля в общем объёме предприятий отрасли, %
2	34.3
3	11.4
4–5	5.7
6–7	11.4
8	5.7
16–20	2.9
20–30	17.2
30–40	11.4

Составлено по: Сборник статистических сведений по Московской губернии... Т. VII. Вып. I. С. 122.

лов: «Голос», «Новое время», «Русские ведомости», «Русский курьер», «Московский телеграф» и т.д.³¹

Но, конечно, наиболее значимым для экономики региона промыслом следует считать ткачество, повсеместно представлявшее собой домашнюю форму организации крупной промышленности. В разной степени оно было развито во всех 13 уездах Московской губ. и занимало почти 10% её трудоспособных жителей. В 1870 г. кустари-ткачи выработали продукции на 20 млн руб., что составляло четверть ценности тканей, произведённых в России, а полученная ими заработная плата покрыла половину всех платежей и повинностей, приходившихся на всё податное население губернии³².

Ещё одним последствием модернизации кустарного производства стало развитие в губернии дальнего отхода мелких промышленников. В большом количестве они отправлялись на заработки в южные, юго-западные регионы страны, Приуралье, Сибирь, на недавно освоенные территории Средней Азии, тогда как кустари, например, Владимирской губ. в основном отлучались для работы в столицах и других близлежащих городах. Отход, как правило, не прерывал связи с традиционным хозяйством³³. Различался и профессиональный состав кустарей. Если владимирцы в основном являлись представителями строительных специальностей, то москвичи – практически всех (см. табл. 3).

Процессы структурно-функциональной дифференциации промыслов сложно представить в виде общей модели, так как действительный облик любой отрасли или вида производства кустарей был значительно богаче даже самой выверенной схемы. Тем не менее мы попытались представить общую картину этого явления. Изученные материалы земской статистики свидетельствуют: в 1870–1880-е гг. наметились глубокие качественные изменения содержания и направлений развития кустарной промышленности. К концу 1880-х гг. чуть больше половины (56%) таких предприятий имели непосредственную связь с традиционными промыслами крестьян, причём только 34% сохранили соответствующий облик и хозяйственный уклад, а оставшиеся (22%) поменяли

³¹ Там же. С. 117.

³² Там же. С. 1.

³³ Вестник Владимирского губернского земства. № 1. 1902. С. 26.

Распределение крестьян Московской губернии, занятых местными отхожими кустарными промыслами, по видам производств в 1880 г.

Отрасль	Число кустарей, занятых в производстве		Доля отходников в общей численности кустарей региона, %
	На месте	В отходе	
Обработка железа	4 882	4 365	47.2
Обработка дерева	6 511	4 532	41
Обработка дерева	12 089	6 427	34.7
Обработка животного сырья	7 974	5 230	39.6
Производство пищевых продуктов и одежды	4 925	10 293	67.6
Женские промыслы	55 946	181	0.3
Производство и отделка тканей	48 844	8 096	14.2
Химические производства	158	53	25.1
Итого	141 329	39 180	21.7

Составлено по: Сборник статистических сведений по Московской губернии... Т. VII. Вып. III. Ч. III. Приложение Б. М., 1883.

Таблица 4

Структурно-функциональная дифференциация кустарной промышленности Московской губернии к концу 1880-х гг. (без отхожих промыслов)

Производство	Доля работников в общей численности кустарей региона, %
Крупное «извне»	60.6
Крупное, рождённое на собственной почве	6.9
Мелкое, имеющее тенденцию к концентрации	11.8
Мелкое в собственном функциональном пространстве	19
Мелкое деградирующее	1.7

Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. II. М., 1882; Вып. III. Ч. I–II. М., 1882–1883; Промыслы Московской губернии. Т. I; Орлов В., Боголепов И. Промыслы Московской губернии. М., 1879.

специализацию, технологию и организационную форму. Как правило, традиционный промысел, сохраняя в качестве одной из нескольких прежнюю специализацию, давал жизнь ряду других. Иногда, как в случае с игрушечным производством, в основе новой специализации лежало сразу несколько привычных для крестьян промышленных занятий. Таблица 4 говорит о том, что описанная в трудах В.И. Ленина схема развития кустарных промыслов в эпоху модернизации, согласно которой признавались обоснованными лишь две парадигмы их трансформации – имущественная дифференциация и включение в домашнюю систему крупной промышленности, требует существенной корректировки.

Процесс дифференциации не достиг ощутимых масштабов. Даже к концу 1880-х гг. в небольших мастерских было занято лишь около 7% кустарей. Между тем капитализация, привнесённая «извне» в форме домашней системы крупного производства, объединила больше половины мелких промышленников. Кроме того, форсированная индустриализация оказывала деформирующее

действие на ход эволюции этой отрасли в целом. Одна часть кустарей уходила на «лёгкие» фабричные заработки, другая искала сферу приложения труда в производствах, недоступных или невыгодных для крупной промышленности, составлявших собственное функциональное пространство мелкой промышленности.

К концу 1880-х гг. экономическая «ниша» мелкого промышленного производства уже начала формироваться. В мастерских, находившихся вне функционального пространства крупных промышленных форм (прежде всего в тех, где основную часть вновь создаваемой товарной стоимости составляли трудовые затраты), была занята почти пятая часть кустарей (19%). В значительных масштабах (11.8%) сохранялось мелкое производство, продолжавшее естественный эволюционный путь развития, и только 1.9% промысловиков работали в традиционных отраслях, постепенно сужавших деятельность или находившихся на грани исчезновения. Соответственно структурной дифференциации выглядела и социально-экономическая организация кустарной промышленности Московской губ. (табл. 5). Более половины кустарей были заняты домашней работой на фабрику.

Начиная с народников, объединявших в своих представлениях о самобытном «русском пути» общину и кооперацию, в отечественной историографии дискутировался вопрос о соотношении этих институтов в российском историческом процессе³⁴. Думается, его следует ставить несколько шире: «Какие черты традиционного общества (в том числе присущие общине) унаследовала кооперация?» Исходным моментом коллективных предприятий мелких товаропроизводителей являлась крестьянская семья. Объединения самостоятельных хозяев на начальных этапах кооперации дополняли недостающие ресурсы семейного разделения труда. «Так как от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ крестьянских семей имеют в своём составе 2 и более взрослых мужчин, а в семьях, состоящих из одного мужчины-работника, находятся взрослые женщины и подростки, – писал В.П. Воронцов, – то огромное большинство крестьян, занимающихся кустарным промыслом, имеют возможность вести последний не единолично, а артелью; и там, где доход от промысла играет достаточно видную роль в бюджете крестьянина, участие его семьи в промысловом заработке делается более или менее систематическим и организованным, что даёт возможность мелкому промышленнику пользоваться преимуществами разделения труда»³⁵. Примеров семейной кооперации в кустарных промыслах достаточно. Мелкотоварное производство, эволюционно развивавшееся из домашней промышленности, не могло миновать семейной ассоциации, как наиболее рациональной с точки зрения снижения издержек и дополняемой сторонними работниками лишь в случаях крайней необходимости.

Родственные отношения в первых коллективных объединениях играли настолько заметную роль, что порой оставались определяющими даже тогда, когда размеры предприятия перерастали рамки отдельно взятой семьи. Показателен пример с мастерской Самсоновых деревни Митино Черкизовской волости Московского уезда, объединявшей коллектив из 6 взрослых родственников: двух дядей с племянниками. Более столетия (со второй половины XVIII в.), несмотря на семейные разделы, «всё-таки оставались прямые потомки этих пер-

³⁴ См., например: *Кабанов В.В.* Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.

³⁵ *Воронцов В.П.* Артель в кустарном промысле. СПб., 1895. С. 5.

**Социально-экономическая организация
кустарной промышленности Московской губернии к концу 1880-х гг.**

Форма организации	Доля работников в общей численности кустарей региона, %
Домашняя система крупной промышленности	60.6
Частнокапиталистические предприятия мелких предпринимателей	7.9
Мелкотоварное производство	19
Кооперативные объединения товаропроизводителей	12.5

Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Московской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Т. VII. Вып. II. М., 1882; Вып. III. Ч. I–II. М., 1882–1883; Промыслы Московской губернии. Т. I; Орлов В., Боголепов И. Промыслы Московской губернии. М., 1879.

воначальных столяров Самсоновых, и число их никогда не было меньше 4–5. Сознвая преимущества общего производства, они крепко держались друг за друга, стараясь всеми средствами устранять возникавшие несогласия. Считая возможным работать выгодно при таком числе членов, они никогда не принимали наёмных рабочих и учеников»³⁶. Конечно, процесс вытеснения патриархальной семьи из сферы товарного производства приобретал всё более ясные очертания по мере того, как рынок и его законы оказывали доминирующее влияние на внутренний строй промысловых хозяйств. Но несмотря на эволюцию самой кооперации мелких товаропроизводителей, её историческая связь с патриархальной семьёй обусловила наличие в кооперативных объединениях традиционных черт, проявлявшихся в организационных принципах, нравственных нормах и хозяйственных устоях.

Специфика развития кустарной промышленности Подмосковья в 1879–1880-х гг. становится очевидной при сопоставлении её социально-экономической структуры и направлений социальной мобильности с аналогичными показателями Нижегородской губ. (см. табл. 6). Из сравнения явно следует: изменения мелкого кустарного производства последней в первые пореформенные десятилетия носили выраженный эволюционный характер. Трансформация хозяйственного уклада кустарей шла здесь медленно, обеспечивая преемственность организационных форм и институтов. Лишь 5.7% кустарей были объединены в промыслы, уже испытывавшие влияние индустриализации и капитализации, тогда как основная их часть (73.5%) трудилась в отраслях с неопределившимся вектором социально-экономической трансформации³⁷.

К концу 1880-х гг. в структуре крестьянской промышленности страны сохранялся значительный сегмент нетронутых товарными отношениями патриархальных форм организации домашнего производства и сельского ремесла, остатки которых в Подмосковье были «размыты» ещё до крестьянской реформы. Кустарная же промышленность волжского района не подверглась давле-

³⁶ Промыслы Московской губернии. Т. I. С. 42.

³⁷ Егоров В.Г., Зозуля О.А., Моркунцов С.А., Петряев С.В. Кустарные промыслы Нижегородской губернии второй половины XIX – начала XX века. СПб., 2013. С. 132.

**Социально-экономическая организация кустарного производства
Нижегородской губернии в 1870–1880 гг.**

Форма организации	Доля работников в общей численности кустарей региона, %
Патриархальные формы организации домашнего производства на заказ потребителя	22.3
Мелкотоварное производство	43.3
Кооперативная организация	34.3
Домашняя система капиталистической организации	0.1

Составлено по: Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Т. VI. СПб., 1880; Нижегородский сборник, издаваемый губернским статистическим комитетом. Т. VII–IX. Н. Новгород, 1887–1890; *Мецгерский А.А., Моздалевский В.М.* Свод материалов по кустарной промышленности в России. СПб., 1874. С. 77, 167, 210.

нию капитала «извне». Мелкотоварное производство, не испытывавшее влияние жесткой конкуренции, сохраняло там социальную стабильность. Доля мелких товаропроизводителей в социальной структуре Нижегородчины превосходила этот показатель Подмоскovie на 24.3%. Эволюционный характер модернизации кустарной промышленности Нижегородской губ. проявился и в значительно превосходящих (на 21.8%) размерах кооперативного направления концентрации.

Таким образом, очевидно, что даже в губерниях с тождественной специализацией общественного хозяйства процессы, происходившие в крестьянской промышленности, отличались значительным своеобразием. Темпы, глубина и содержание её модернизации лишь отчасти определялись нечернозёмным характером регионов. Значительно больше на формирование нового облика мелкой сельской промышленности влияли уникальные факторы, выстраивавшие его очертания в неповторимую палитру «тонов» и «оттенков», заметных только в детальном конкретно-историческом контексте.